

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.96.108>

Б.С. ЖУКОВ И ЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНОСТЕЙ IV–I ТЫС. ДО Н.Э. ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2023 г. О.А. Лопатина

В статье рассмотрены методологические подходы в научном творчестве Б.С. Жукова, одного из ярких представителей российской археологии 20-х гг. 20 в. Показаны основные принципы палеоэтнологического направления, в русле которого он работал. Дан обзор выступлений ведущих российских этнологов и палеоэтнологов на Совещаниях 1926 и 1927 гг. Подчеркивается, что основные обсуждаемые там проблемы были связаны с разработкой культурно-исторического метода. Обобщены основные положения главной работы Б.С. Жукова «Теория хронологических и территориальных модификаций...» 1929 г. Дается высокая оценка этой работе, которая, во-первых демонстрировала определенные методы аналитической работы с источниками, во-вторых, приводила в систему обширный материал IV–I тыс. до н.э. преимущественно с территории лесного Поволжья. Рассмотрены новаторские приемы обработки керамических коллекций, введенные Б.С. Жуковым.

Ключевые слова: археология, Б.С. Жуков, палеоэтнология, методика, культурно-исторический метод, Нижегородский край, керамика, неолит, репрессии.

B.S. ZHUKOV AND HIS RESEARCH APPROACH TO THE STUDY OF ANTIQUITIES OF THE IV–I MILLENNIUM BC OF THE EASTERN EUROPE FOREST ZONE

O.A. Lopatina

The paper considers methodological approaches in B.S. Zhukov's scientific activity, one of the bright representatives of Russian archaeology in the 20s of the XX century. The basic principles of the paleoethnology he used in his studies are presented. An overview of the speeches of leading Russian ethnologists and paleoethnologists at the meetings of 1926 and 1927 is given. It is emphasized that the main problems discussed there were related to the development of the cultural-historical method. The main theses of B.S. Zhukov's main work "The theory of chronological and territorial modifications..." of 1929 are generalized. A high assessment is given to this work, which, firstly, demonstrated certain methods of analytical work with sources and, secondly, put extensive material of the IV–I millennium BC in the system, mainly from the territory of the Volga forest region. Innovative methods of study pottery collections introduced by B.S. Zhukov are considered.

Keywords: B.S. Zhukov, paleoethnology, methodology, cultural and historical method, Nizhny Novgorod region, pottery, Neolithic, repression.

Юбилейная дата, 130-летие со дня рождения Б.С. Жукова (рис. 1), дает повод обратиться к научному наследию этого замечательного учёного, рассмотреть те исследовательские подходы, которые им разрабатывались. На волне активных послереволюционных преобразований в организации науки, которые Б.С. Жуков воспринял с большим энтузиазмом (Жуков, 1928а), активно обсуждались пути развития археологии, ее место в системе наук о человеке, задачи и методы исследований. Одним из центров, где новые подходы и методы бурно развивались, в том числе трудами Б.С. Жукова, стала кафедра антропологии Московского университета, а

также тесно связанные с ней Антропологический музей, Антропологический институт, музей Центрально-промышленной области, Центральный музей народоведения. Сильные традиции анучинской школы стали тем фундаментом, на котором проходило становление новых направлений в антропологии, этнологии, археологии. Общеметодические подходы, которые разрабатывались в то время, имели большой научный потенциал и все шансы для дальнейшего продуктивного развития, если бы этот рост не был подорван т.н. «великим переломом», начавшимся в конце 20-х гг.

Преждевременная гибель в лагере не дала Б.С. Жукову завершить начинания, над кото-

Рис. 1. Б.С. Жуков (1892–1933).

Fig. 1. B.S. Zhukov (1892–1933).

рыми он так активно работал. Вместе с тем многие предпринятые им нововведения, в особенности, касающиеся методов полевых исследований, подходов к обработке и анализу массового археологического материала, прочно вошли в археологическую практику, хотя не везде и не сразу. По прошествии времени актуальность этих подходов становится совершенно очевидной.

Традиционно с именем Б.С. Жукова связывают в нашей науке разработку палеоэтнологического направления. Сильные позиции этого направления существовали и в Санкт-Петербургском университете, где оно развивалось Ф.К. Волковым и его школой, однако именно Б.С. Жуков в 20-ые годы сформулировал основные цели и задачи палеоэтнологии, попытался определить ее место среди других наук о человеке и его культуре (Жуков, 1928а; Жуков, 1929а). Будучи логичным продолжением анучинской научной школы, палеоэтнологическое направление в трудах Б.С. Жукова последовательно развивало принципы комплексного подхода. Доисторические культуры следовало рассматривать в тесной связи с географической средой, физическим типом носителей и во взаимосвязи с современными культурами.

Во многом благодаря Б.С. Жукову палеоэтнология стала институционально закрепленной, хотя и в течение непродолжительного времени. В Москве на кафедре антропологии МГУ было организовано преподавание со специализацией по этому предмету. Действовали 3 палеоэтнологические лаборатории: в Антропологическом институте, музее Центрально-промышленной области, Центральном музее народоведения (Кузнецов, 2013, с. 242, 243).

Основной принцип, в русле которого Б.С. Жуков развивал свои идеи, был связан с тем, что археология рассматривалась им в рамках этнологической науки (см. подробнее Кузьминых, Лопатина, в печати). Он писал об «уничтожении формальных граней между погребенными и современными культурами при их интерпретации», что изучение древних памятников должно происходить в «концепции этнологической науки». Палеоэтнология (археология), по его мнению, имеет тот же объект исследования, решает те же задачи, что этнология. Различия между ними лишь в «методике собирания материала», в «частных методах полевого анализа и фактов в момент их обнаружения» (Жуков, 1927, с. 15).

Бурное развитие этнологии в 20-е годы способствовало формированию таких взглядов. Важными научными центрами стали созданные в Москве в это время на волне краеведческого движения, музей Центрально-промышленной области и Центральный музей народоведения, имеющие в основном этнографическую направленность. Непосредственное отношение к Центральному музею народоведения имел и Б.С. Жуков, занимая там должность заведующего отделом помимо своей основной деятельности на кафедре антропологии МГУ и в Институте антропологии.

Для палеоэтнологии как части этнологической науки были свойственны те же теоретические и общие методические подходы, которые были характерны и для этнологии. В России в 20-х годах XX в. до т.н. «большого перелома» этнология продолжала развиваться в основном в русле европейских теоретических концепций (Соловей, 2022, с. 327–372). Культурно-историческое направление, возникшее на основе идей диффузионизма и культурных кругов (труды Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера) и как реакция на эволюционист-

Рис. 2. Б.С. Жуков в экспедиции (в среднем ряду)
 Fig. 2. B.S. Zhukov in the expedition (in the middle row)

ский подход, получило развитие и в России, где оно было активно воспринято. Подтверждением этого служат материалы Совещаний этнологов и палеоэтнологов ЦПО проходивших в 1926 и 1927 гг. в Москве. В основных, программных докладах, которые представили П.Ф. Преображенский, В.В. Богданов, Д.К. Зеленин, Б.С. Жуков и Б.А. Куфтин были достаточно четко обозначены принципы культурно-исторического подхода, отмечены также его проблемные точки. Этот подход, по мнению С.С. Алымова и А.М. Решетова, получил в России совершенно оригинальную интерпретацию (Алымов, Решетов, 2003, с. 232).

Показательно, что на Совещаниях обсуждалась вместе как археологическая (палеоэтнологическая), так и этнологическая тематика. Именно в русле культурно-исторического подхода, общность задач археологии (палеоэтнологии) и этнологии, которую отстаивал Б.С. Жуков, становилась очевидной. Важно обратить внимание, что в ходе Совещаний преимущественно этнологами обсуждались важные положения культурно-исторического подхода, имеющие прямое отношение и к исследованиям погребенных культур.

Так, В.В. Богданов противопоставляя эволюционному направлению «культурно-историческое понимание исследуемых явлений народного быта», говорил о важности «трех условий: 1) исторической датировки, 2) хронологической последовательности, 3) территориальной связи одних бытовых явлений с другими» (Богданов, 1927а, с. 9). Рассматривая этнологию как историческую науку, В.В. Богданов призывал проводить изучение «в исторической перспективе, идущей от нашего времени вглубь веков». При этом обращалось внимание на важность изучения материальной культуры; предлагался территориальный принцип исследований, при котором рассматривались бы не конкретные этносы, а определенные территории. Большое значение придавалось методам полевых исследований, в частности разработке анкетных опросов для изучения народных промыслов (Богданов, 1929б).

Чрезвычайно близкими идеям В.В. Богданова были подходы Б.А. Куфтина, которые также основывались на приоритете изучения объектов материальной культуры, в процессе которого «даже сложный факт социальной жизни, закрепленный в материальном объекте, становится легко фиксируемым и досто-

Рис. 3. Антропологическая комплексная экспедиция ЦПО, 1926 г.

Передний ряд слева направо: Т.А.Трофимова, П.И.Зинкевич, Е.П.Воеводская; задний ряд: Н.П.Толстов, С.П.Толстов, Б.С.Жуков, А.Б.Ставицкая

Fig. 3. The anthropological complex expedition of the Central Industrial Oblast, 1926.

Front row, left to right: T.A. Trofimova, P.I. Zinkevich, Ye.P. Voyevodskaya; back row: N.P. Tolstov, S.P. Tolstov, B.S. Zhukov, A.B. Stavitskaya

верным» (Куфтин, 1929, с. 128). В ходе сравнительного анализа и сопоставления фактов культуры особое внимание Б.А. Куфтин уделял архаичным, реликтовым чертам материальной культуры, выделяя «исходные формы и наслоения» (Куфтин, 1927, с. 33). Такой подход применен им при исследовании костюма русского населения Мещеры, технологии гончарства, жилища крымских татар. Как и В.В. Богданов, Б.А. Куфтин большое внимание уделял созданию системы описания отдельных сторон быта.

В рамках культурно-исторического подхода Д.К. Зеленин рассматривал вопрос о конвергентности и диффузии определенных явлений культуры, а также вопрос о культурных центрах, из которых распространялись новые идеи и моды, и культурных районах объединенных «большим или меньшим единством культурных комплексов». Эти вопросы предлагалось решать с помощью картографирования элементов материальной культуры, в особенности народной техники: 1) разновидностей налепной техники в гончар-

стве¹, 2) основных типов орудий и вещей для обработки кож и мехов, 3) разновидностей техники плетения обуви, 4) различных приспособлений земледельческой техники. Изучение географического распространения конкретных технологических особенностей, по мнению Д.К. Зеленина, помогло бы выяснить характер древнейших взаимоотношений между разными этническими группами (Зеленин, 1929).

П.Ф. Преображенский уделил внимание методологическому спору между старой эволюционистской и новой «исторической школой» европейской этнологии. Представляя взаимодействие и взаимопроникновение культур как важные составляющие процесса исторического развития человечества, он подчеркивал сложность этого процесса. В связи с этим указывал на два самоограничения, к которым должна прийти культурно-историческая школа: «признание возможности параллельного ряда развития» и «необходимость в каждом случае культурной диффузии устанавливать условия культурной ассимиляции

и аккультурации» (Преображенский, 1929, с. 15).

В докладах Б.С. Жукова обсуждались как общие теоретические подходы, так и практические вопросы полевой методики. Говоря об общих задачах, которые должны решаться палеоэтнологической наукой, он подчеркивал необходимость изучения истории племенных групп и культур, проблем их формирования и «взаимоотношений между культурами и расами прошлого, между культурами и средою» (Жуков, 1927, с. 14). Б.С. Жуков рассмотрел объекты изучения палеоэтнологии, представил свое понимание культурного комплекса, попытался определить методы выявления культурных элементов и групп (Жуков, 1929а).

Особое внимание уделял Б.С. Жуков методам практической работы с археологическими источниками. Те масштабные полевые исследования, которые были им задуманы, не могли осуществляться без принципиально новых подходов в этой области.

Поэтому в качестве программных положений он выдвигает условия «1) систематизации приемов полевой практики при возможно максимальном использовании соответствующей методики естественных наук» и «2) систематизации приемов проработки материала с расширением лабораторного метода и применением методов точных наук» (Жуков, 1927, с. 16). По утверждению самого Бориса Сергеевича эти положения на практике были введены им с 1925 г. в процессе работ на Льяловской, Пановской стоянках и на городищах Поволжья и других памятниках (рис. 2; 3). Они последовательно осуществлялись в ходе работ созданной им Антропологической комплексной экспедиции (АКЭ), усилиями самого Б.С. Жукова и представителями его школы, в особенности О.Н. Бадером (Жуков, 1928б; 1929б, с. 55).

Культурно-исторический подход вместе с использованием прогрессивной полевой методики стали той основой, на которой Б.С. Жуков проводил свои исследования, и результатом которых стал основной его труд «Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики». Эта объемная статья, опубликованная в 1929 г. в журнале «Этнография», была написана в основном на материалах, полученных в результате работ АКЭ. Она стала результа-

том обобщения большого корпуса источников IV–I тыс. до н.э., отличалась глубиной анализа и обстоятельной проработкой материала. В работе была предложена сложная схема культурного развития населения лесного, отчасти лесостепного Поволжья (рис. 4).

Впервые в нашей стране планомерному археологическому исследованию по конкретной программе подвергались не единичные памятники или их группы, а определенная территория с определенными географическими условиями, при этом очень мало или практически совсем не изученная. Районы полевых исследований относились в основном к Нижегородскому краю и некоторым сопредельным территориям: верхнее течение Волги в районе Твери, побережья рек Клязьмы и Тешы, нижнее течение Оки, верховья Мокши, междуречье Ветлуги и Унжи. Расположение здесь границы между лесной и лесостепной зонами Восточной Европы, а также разнонаправленных водных артерий делало эту территорию перспективной для изучения взаимодействий культур прошлого.

Основные методические принципы, которые положены Б.С. Жуковым в основу этого исследования можно обобщить следующим образом.

1. Определение понятия «неолит». Возражая против данного В.А. Городцовым хронологического определения этапов «палеолита», «неолита» и др. и считая, что такой подход вынуждает, к примеру, «называть культурой железного века всякую культуру начала первого тыс. до н.э.» Б.С. Жуков предлагает иное их понимание. Циклы историко-культурного развития объясняются на основании индустриально-технических признаков, не зависящих от времени существования. Так, для «неолита» характерно использование шлифованных орудий и керамики, что отличает его от мезолита, для «энеолита» – привозных орудий из меди или бронзы, для металлической эпохи – собственное производство металлических изделий (Жуков, 1929б, с. 56, 57).

2. Необходимость рассматривать влияние природных условий и географических факторов при изучении памятников археологии. Исходя из того, что «каждый памятник отражает природную среду своего района и своей эпохи», Б.С. Жуков полагал, что географические факторы способны объяснять закономер-

ности развития культур неолита на рассматриваемой территории. С этими представлениями тесно связан и внедренный им так называемый «метод районных исследований», основанный на «систематическом изучении максимального количества памятников в отдельных районах» (Жуков, 1927, с. 16; Жуков, 1929б, с. 58, 59).

3. Важность изучения «всей совокупности морфологических и стратиграфических признаков каждого из памятников» и «всего добываемого раскопками коллекционного материала». Особое значение в этой связи Б.С. Жуков придавал керамике (см. ниже). Он высоко оценивал преимущества этого источника по сравнению с другими категориями находок в силу массовости и больших возможностей для установления типологических вариаций (Жуков, 1929б, с. 59, 60).

4. Создание прочной относительной хронологической базы с помощью методов естественных наук и собственно археологических методов. Опорой для этого должны были послужить, во-первых, геологические работы по стратиграфии неолита, работы по стратиграфии торфяников и их споро-пыльцевому исследованию. Во-вторых, т.н. «расслоенные памятники» с отделимыми стратиграфическими слоями и с содержащимися в них своеобразными комплексами находок (Жуков, 1929б, с. 63, 64).

5. Представление о примате местных неолитических культур, что, однако не исключало допущения о локальных внедрениях чужеродных культур в круг лесного неолита. Такие явления следует рассматривать «не как результат переселений новых этнических групп, но скорее как локальные восприятия новых культур, распространяющихся затем в виде расходящихся более слабых волн по периферии» (Жуков, 1929б, с. 71). Т. о. Б.С. Жуков предостерегал от объяснений миграционными движениями резких изменений в облике культуры.

6. Выделение памятников с «гибридными» и «чистыми» керамическими комплексами для определения характера взаимосвязей между культурами. «Чистыми» названы те, которые являются характерными для руководящих культур, причем как для местных, так и для чужеродных (пример Льялово, Малое Окулово I, Волосово I, Поздняково, Малое Окулово II, Докукино). «Гибридными» – те, в

которых «при малых отличиях в морфологическом составе культурного слоя... или даже при отсутствии таких различий оказываются различные по своему морфологическому облику керамические группы (или комплексы)» (Жуков, 1929б, с. 65).

7. Введение понятия «культурный комплекс», под которым понималась совокупность элементов культуры и их сочетания. Культурный комплекс характеризуется тем, что он «связан с жизнедеятельностью определенной человеческой группы», «ограничен на определенной территории», а также «обусловлен степенью хозяйственно-бытового и технического развития» этой группы, при этом «является связанным в той или иной степени с внешними культурными влияниями» (Жуков, 1929а, с. 33). Исходя из этого, Б.С. Жуковым были приняты соответствующие наименования для культурных комплексов, например, «культура Малоборской стоянки» для гибридного комплекса этой стоянки и «культура типа комплекса Льяловской стоянки» или «Льяловская культура» для чистого комплекса этого памятника (Жуков, 1929б, с. 58).

По мнению Б.С. Жукова неолитические культуры на рассматриваемой территории проходят определенные циклы своего развития, претерпевая определенные модификации. Особенности керамики наиболее отчетливо характеризуют эти циклы. Так, самый ранний керамический цикл связан с материалами стоянки Языково I (толстостенная керамика с дресвой, с орнаментом в виде длинных параллельных линий). Следующий цикл представлен комплексом «круглоямочно-гребенчатой керамики», как, например, в материалах стоянок Льялово, Малое Окулово I. Длительная модификация ямочно-гребенчатого цикла приводит к большей дифференциации форм сосудов и уменьшению значения кругло-ямочного элемента, развитию собственно «гребенчатого керамического цикла». Становятся более выраженными локальные особенности, как в комплексах памятников Волосово I, Языково 2, Большое Козино IV, в «неолитоидном комплексе стоянки Паново». Наиболее поздний керамический цикл представлен комплексами с текстильной керамикой: Паново, Липки (с кремневым инвентарем), Докукино, Николо-Перевоз (с признаками эпохи железного века) (Жуков, 1929б, с. 68–71).

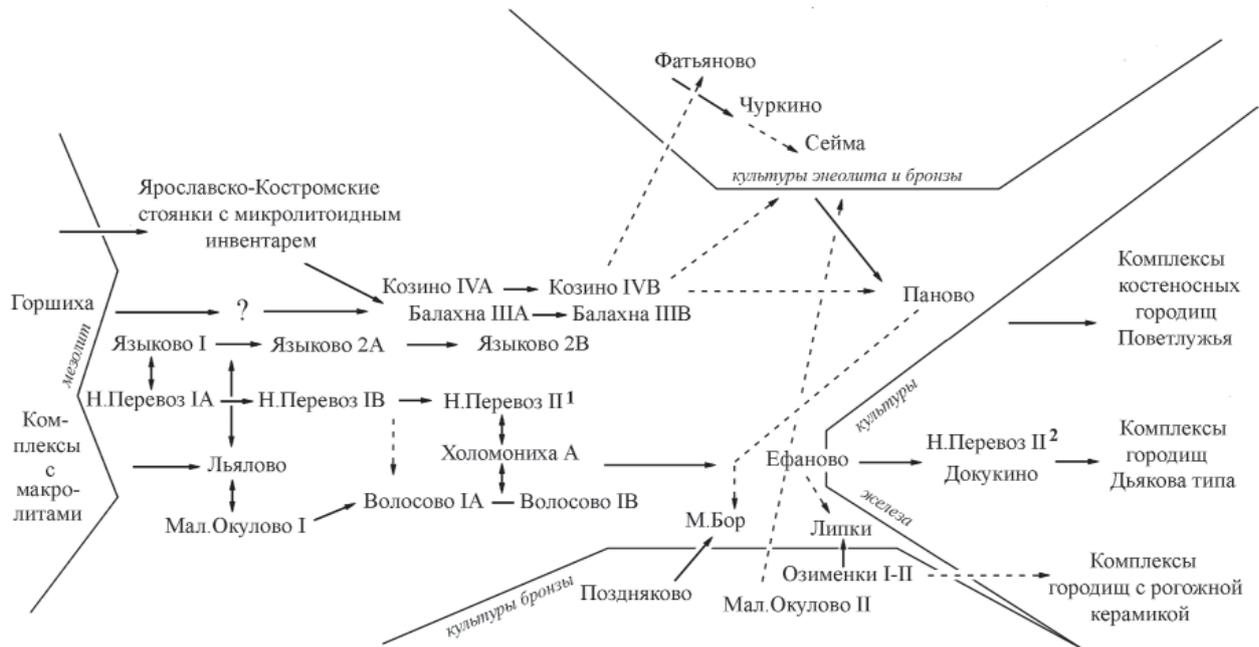

Рис. 4. Схема хронологических и культурных взаимоотношений памятников неолита и других культур на территории центральной части Восточной Европы (по Б.С. Жукову, 1929б).

Fig. 4. The scheme of chronological and cultural relationships of Neolithic sites and other cultures on the territory of the central part of Eastern Europe (by B.S. Zhukov, 1929b).

Определив культурно-хронологическую связь комплексов, Б.С. Жуков приходит к выводу о том, что все рассмотренные керамические группы в их последовательности «характеризуют собой общий ход модификации керамики лесного охотничье-рыболовственного неолита... Этот ход можно рассматривать как звенья прямого цикла развития туземных культур». (Жуков, 1929б, с. 71) По его мнению, эпоха местного лесного неолита продолжается вплоть до середины I тыс. до н.э. (см. доклад Б.С. Жукова на Германском археологическом съезде (статья Е.В. Детловой, С.В. Кузьминых и А.О. Наглера в настоящем сборнике).

Подводя итоги своей работы, Б.С. Жуков, ставит важную задачу «выяснения закономерностей или «механики» формирования этнических образований» в отношении погребенных культур, что является, по его мнению, основной задачей палеоэтнологии. Эта сложная проблема остается мало разработанной и до сих пор. На примерах конкретных комплексов памятников были проиллюстрированы явления *расщепления, обособления, гибридации, мутации, ассимиляции*. Так, *расщепление* прослеживалось в отношении неолитиче-

ского комплекса древней ямочно-гребенчатой керамики на дальнейшие циклы развития по линии Балахна – Козино – Паново и по линии Волосово – Холомониha (рис. 4).

Обособление свойственно трем городищенским культур («костеносной, Дьяковой и рогожно-керамической»), которые возникают на территории с «менее локально-дифференцированным неолитическим подслоем».

Гибридизация возникает при взаимодействии неоднородных компонентов. Она прослеживается в керамике таких памятников как Липки, Малый Бор, Паново, Сейма. То же явление наблюдается и в гораздо более позднее время в Костромских и Владимирских курганах со славяно-финским инвентарем.

Явления *мутаций* связаны с определенными скачками в развитии культур, и объясняются, по-видимому, неравномерностью этого развития, а также изменением хозяйственно-бытовых условий. Результатом мутации является керамический комплекс стоянок Языково 2 и Волосово IB. С мутациями связано появление городищ, вызванное определенными хозяйственными причинами.

В качестве *ассимиляции* рассматривается влияние фатьяновской культуры на комплек-

сы Балахны и Паново. А также влияние городищенских культур на сохраняющиеся остатки неолитических культур (Жуков, 1929б, с. 66, 71, 73–75).

Как видно, в использованных терминах явно просматриваются биологизмы, что можно объяснить несформированностью терминологического аппарата. Б.С. Жуков отнюдь не настаивал на их использовании, хотя выбранные термины довольно ясно передавали суть наблюдаемых явлений.

Рассматривая исследовательские подходы Б.С. Жукова нельзя не остановиться отдельно на тех подходах и методах, которые использовались им в отношении археологической керамики. Керамику он считал наиболее показательным элементом материальной культуры, на котором «более четко отражаются эволюционные сдвиги и локальные влияния, чем на каменном инвентаре». Находки керамики в сравнении с другими объектами «всегда более обильны, разнообразны и менее случайны» (Жуков, 1929б, с. 59, 60). То значение, которое придавалось керамике как источнику, требовало разработки методов работы с ней, в первую очередь методов первичного учета, которые в то время были еще очень слабо развиты. Изучение керамики требовало специальной программы, которая включала бы характеристику отдельных признаков и их сочетаний, опиралась бы на количественные данные и позволяла бы выделять типы и их разновидности в керамических комплексах (Жуков, 1927, с. 18).

Справедливо отмечая, что методы морфологического изучения керамики пока не разработаны, Б.С. Жуков начал с внедрения определенных способов фиксации морфологических особенностей керамики, по сути, совершенно новаторских и чрезвычайно прогрессивных. Прежде всего, высокие требования предъявлялись к точности рисунка, точнее чертежа. Процедурная сторона лабораторной обработки керамики наиболее полно описана, в статье о Льяловке стоянке. Б.С. Жуков пишет о необходимости точного чертежа профиля и измерения диаметров на разных участках фрагментов, о важности правильной ориентировки венчиков. Были разобраны правила вычерчивания профиля и реконструкции формы сосуда, представлены необходимые инструменты и приспособления. «Обломок зажимался на химическом штативе, ориен-

тировался в вертикальной плоскости и обводился с помощью диаграфа Мартина» (Жуков, 1925, с. 63, 64). С помощью специальных шаблонов измерялись диаметры фрагментов венчиков.

Здесь уместно вспомнить известную статью М.П. Грязнова в журнале Советская археология о «Технике графической реконструкции форм и размеров глиняной посуды по фрагментам», вышедшую в 1946 г. почти 20 лет спустя после работы Б.С. Жукова, где говорилось о том, что «Далеко не все археологи, занимающиеся изучением керамики, реконструируют по имеющимся черепкам целые сосуды. Одних останавливает трудоемкость такой работы. Другие просто не знакомы с ее техникой» (Грязнов, 1946, с. 306). К сожалению, многие археологи долгое время не обращали внимания на необходимость процедур, которые в настоящее время стали общепринятыми.

Трудоемкая работа лабораторной обработки керамики выполнялась коллективом сотрудников палеэтнологической лаборатории Антропологического Института, учениками Б.С. Жукова, в частности А.Е. Алиховой, Е.И. Горюновой, Н.А. Синельниковым. Разработкой темы связанной с технологией производства сосудов занялся М.В. Воеводский.

Система аналитического описания керамики, предложенная Б.С. Жуковым, включала учет разных блоков информации: технологии изготовления, формы и размеров сосудов, их орнаментов. Регистрировались такие особенности как «цвет, состав глиняной массы, характер наружной и внутренней поверхности сосудов, техника изготовления, расположение орнамента, форма сосудов и их отдельных частей (венчик, шейка, плечики, днище), размеры сосудов и их частей, выделение элементов орнамента, сочетания этих элементов и характер орнаментальных узоров». При этом обращалось внимание на то, что «ценность тех или иных указанных признаков для типологической характеристики керамики оказалась далеко не одинаковой» ввиду общей малой разработанности методов ее морфологического изучения (Жуков, 1929б, с. 60).

Важность разработки системы описания керамики была обозначена еще В.А. Городцовым в 1901 г. в работе «Русская доисторическая керамика». Предложенный им порядок

описания содержал много важных наблюдений, тем не менее, большого практического значения не приобрел во многом в силу неоднозначности и субъективности выделенных признаков. Заменить рисунок, как рассчитывал В.А.Городцов, системой унифицированного описания было не возможно (Городцов, 1901, с. 3).

Система аналитического описания, предложенная Б.С. Жуковым, была ориентирована на дальнейшую статистическую обработку данных и их сравнение. Т.н. «статистика», в настоящее время является обычной практикой в работе с керамикой, тогда же являлась совершенно новым подходом, который требовал учета всего добываемого раскопками материала, а не только выборочных фрагментов. При исследовании керамики Льяловской стоянки статистические подсчеты сразу дали очень выразительные результаты. На основании процентного соотношения групп керамики с разными элементами орнамента, ямочным и гребенчатым, а также групп с разными искусственными примесями (раковина и толченый гранит) была показана культурно-хронологическая специфика материалов этого памятника.

Из других ценных новшеств, введенных Б.С. Жуковым в лабораторную практику, следует отметить, например, подбор фрагментов по отдельным сосудам. Учет единиц сосудов, а не их фрагментов как более объективный способ при обработке серий керамики (Жуков, 1929б, с. 60) в дальнейшем, уже после смерти учителя, применялся О.Н. Бадером и М.В. Воеводским в ходе исследования керамики стоянок Балахнинской низины. Жуковские подходы были реализованы наиболее полно при работе с этим материалом (Бадер, Воеводский, 1934, с. 322-335).

К сожалению, многие материалы конкретных памятников уже подготовленные Борисом Сергеевичем к печати так и не были изданы, это «Раскопки неолитической торфяной стоянки близ д. Языкова», «Культура стоянки пережиточного каменного века «Паново городище», «Поздняковская культура Муромского уезда Владимирской губернии» (в соавт. с О.Н. Бадером), «Городища Поветлужья» (в соавт. с О.Н. Бадером и М.В. Воеводским). Остался неопубликованным также и «Альбом элементов орнамента доисторической керамики территории СССР», представлявший

собой первый том из серии Трудов Антропологической комплексной экспедиции. Эти работы уже проаннотированные и находящиеся в печати были уничтожены сразу после его ареста. Работа о городищах Поветлужья увидела свет только в виде отдельных статей О.Н. Бадера (Бадер, 1951) и М.В. Воеводского (Воеводский, 1951) в 22 номере МИА за 1951 г., который полностью состоял из работ учеников Б.С. Жукова и его коллег по АКЭ.

Разгром палеэтнологического направления в Москве и в Санкт-Петербурге негативно сказался на развитии науки. Однозначная оценка этого процесса неоднократно давалась в исследованиях последних десятилетий (Мерперт, 1995, с. 12, 13; Тихонов, 2003, с. 125-130; Платонова, 2010, с. 177-197). Были прерваны многие прогрессивные начинания палеэтнологического направления, показавшие в дальнейшем свою перспективность. Вместе с тем школа Б.С. Жукова, созданная в 20-ые годы, продолжала существовать и после его ареста и гибели, хотя никогда официального признания не имела. В работах учеников Б.С. Жукова О.Н. Бадера, М.В. Воеводского, М.В. Талицкого, А.Е. Алиховой, Е.И. Горюновой, А.В. Збруевой неизменно ставились задачи выделения культурных комплексов на основе внимательного изучения стратиграфии и анализа массового материала, а также задачи выяснения хронологических особенностей этих комплексов.

Попытки оценить вклад Б.С. Жукова в науку долгое время не предпринимались. Лишь после его реабилитации в 1959 г. вышли две небольшие статьи О.Н. Бадера и В.В. Бунака в журнале «Вопросы антропологии» (Бадер, Бунак, 1963) и О.Н. Бадера в журнале «Советская археология», посвященные памяти Бориса Сергеевича (Бадер, 1968).

С позиций сегодняшнего дня можно говорить о том, что Б.С. Жуков был не только создателем школы, организатором науки, но и выдающимся исследователем древностей лесной зоны Восточной Европы. Предложенная им схема культурогенеза приводила в систему обширный корпус материалов, добытых и обработанных по единой методике, территориально охватывала значительную часть Восточной Европы, представляла цельную картину развития культур от мезолита и раннего неолита до начала железного века. Основные позиции этой схемы выдер-

жали проверку временем. Исследователям лесного неолита хорошо известно, что ранняя хронологическая позиция неолитического комплекса Языково 1, как ее определил Б.С. Жуков, долгое время оспаривалась в работах А.Я. Брюсова и М.Е. Фосс. Их точка зрения оказалась ошибочной, но господствовала до тех пор, пока Д.А. Крайнов в 70-ые гг. не ввел понятие верхневолжской культуры (Крайнов, Хотинский, 1977), «открыв» заново ту хронологическую последовательность, которая была установлена еще в 20-е годы Б.С. Жуковым. Другие звенья этой схемы, именно в жуковской интерпретации, касающиеся взаимосвязи и происхождения культурных комплексов, неоднократно находили отражение в научной литературе.

В парадигме новой марксистско-ленинской археологии схема Б.С. Жукова в ее цельном виде имела мало шансов для выживания, т.к. демонстрировала методологию, связанную с культурно-историческим подходом. Она совсем не вписывалась новые установки, возобладавшие с кон. 20-х – нач. 30-х гг. Теперь, по мнению новой генерации историков-марксистов, следовало изучать общественно-экономические формации и производительные силы прошлого. Обилие культур «нуждалось в беспощадном укрупнении по принципу социально-хозяйственного един-

Примечание:

¹ Картографирование элементов гончарного производства, как по данным этнографии, так и археологии было реализовано гораздо позже, в работе А.А. Бобринского, (Бобринский, 1978).

Благодарности:

Автор благодарит Александру Петровну Сергиевскую за предоставленные из семейного архива фото Б.С. Жукова. На обороте полевых фотографий сведения отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

Альмов С.С., Решетов А.М. Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы Вып. 2. / сост., отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература 2003. С. 227–268.

Арциховский А.В. Новые методы археологии // Историк-марксист. Т. 14. М.: изд-во Коммунистической академии, 1929а. С. 136–155.

Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: Изд-во АН СССР, 1951а. С. 110–158.

Бадер О.Н. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // СА. 1968. № 4 С. 234–238.

Бадер О.Н., Воеводский М.В. Стоянки Балахнинской низины // Известия ГАИМК. 1934. № 27. С. 298–346.

Бадер О.Н., Бунак В.В. Памяти Б.С. Жукова // Вопросы антропологии. 1963. № 15. С. 146–148.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Богданов В.В. Задачи этнологического изучения Центрально-промышленной области // Вопросы этнологии Центрально-промышленной области / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М.: Государственный Музей Центрально-промышленной области, 1927а. С. 9–12.

ства». Изучение «эволюции орнаментов» на керамике признавалось не нужным, «унылым занятием», которому противопоставлялось более важное вещеведение (Арциховский, 1929). Т.н. «метод наложения», за который А.В. Арциховский критикует палеоэтнологов, Б.С. Жуковым никогда даже не упоминался. Не удивительно, что в новом учебнике А.В. Арциховского «Основы археологии», написанного как обзор развития производительных сил и производственных отношений, эталонно-исследованная Льяловская стоянка в удостоилась лишь краткого упоминания.

Так или иначе, основные направления и подходы развивавшиеся Б.С. Жуковым и его школой, начиная от методики полевых и лабораторных исследований и заканчивая проблемами культурогенеза, со временем прочно вошли в исследовательскую археологическую практику. Их развивали не только непосредственные ученики Б.С. Жукова, но многие из тех, кто в стороне от политических дискуссий ушел в работу с конкретным материалом, в полевую деятельность. Именно им, по словам А.А. Формозова, «ведшим скрупулезные раскопки, владевшим конкретным материалом, вдумчиво искавшим пути осмысления собранных фактов, наша наука обязана сохранением своих лучших традиций» (Формозов, 2004, с. 62).

Богданов В.В. Срочная необходимость поставить этнологическое изучение рыбацкого быта и местных рыбных промыслов на территории Центрально-промышленной области // Вопросы этнологии Центрально-промышленной области / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М.: Государственный Музей Центрально-промышленной области, 1927б. С. 41–46.

Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 159–180.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве (1899) Т. I. / Ред. графиня Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гепеля, 1901. С. 567–672.

Грязнов М.П. Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам // СА. Вып. VIII / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: АН СССР, 1946. С. 306–318.

Жуков Б.С. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда // Русский антропологический журнал. 1925. Т. XIV. Вып. 1–2 (Приложение). С. 37–75.

Жуков Б.С. Из методологии изучения культур стоянок и городищ // Материалы к доистории Центрально-промышленной области / Ред. Б.С. Жуков, О.Н. Бадер. М.: Государственный Музей Центрально-промышленной области, 1927. С. 13–18.

Жуков Б.С. Археология // Общественные науки в СССР 1917–1927 / Ред. В.П. Волгин, Г.О. Гордон, И.К. Луппола. М.: Работник просвещения, 1928а. С. 90–100.

Жуков Б.С. Очерк трехлетних работ Антропологической комплексной экспедиции по ЦПО Антропологического Института (1925–1927) // Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ. 1928. Т. 1. Вып. 1–2. С. 264–286.

Жуков Б.С. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп // Культура и быт населения Центрально-промышленной области / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М.: Тип. ПТО МОНО при 1-м Моск. ин-те глухонемых, 1929а. С. 31–35.

Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929б. № 1. Кн. VII. С. 54–77.

Зеленин Д.К. Перспективный план работ по этнографическому изучению Центрально-промышленной области // Культура и быт населения Центрально-промышленной области / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М.: Тип. ПТО МОНО при 1-м Моск. ин-те глухонемых, 1929. С. 23–27.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. 1977. № 3. С. 102–113.

Кузнецов А.А. Новые материалы к биографии Б.С. Жукова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 238–244.

Кузьминых С.В., Лопатина О.А. Б. С. Жуков в истории отечественной археологии: к юбилею ученого // РА. (в печати)

Куфтин Б.А. Задачи, методы и достижения в изучении костюма Центрально-промышленной Области // Вопросы этнологии Центрально-промышленной области / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М.: Государственный Музей Центрально-промышленной области, 1927. С. 33–36.

Куфтин Б.А. Задачи и методы полевой этнологии. Собрание этнографов Ленинграда и Москвы // Этнография. 1929. № 2. С. 125–129.

Мерперт Н.Я. Введение // Антология советской археологии (1917–1933) / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М., 1995. С. 3–14.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Преображенский П.Ф. Вопросы развития советской этнологии // Культура и быт населения Центрально-промышленной области / Ред. В.В. Богданов, С.П. Толстов. М.: Тип. ПТО МОНО при 1-м Моск. ин-те глухонемых, 1929. С. 14–22.

Соловей Т.Д. История российской этнологии в очерках. XVIII – начало XXI в. М.: Этносфера, 2022. 608 с.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историкографические очерки. СПб.: СПбГУ, 2003. 332 с.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2004. 320 с.

Информация об авторе:

Лопатина Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lopatina.olga@gmail.com

REFERENCES

Alymov, S. S., Reshetov, A. M. 2003. In Tumarkin, D. D. (ed.). *Repressirovannye etnografy (Ethnographers – Political Prisoners)* 2. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ., 227–268 (in Russian).

Artsikhovskii A.V. 1929. In *Istoriik-marksist (Marxist Historian)* 14. Moscow: “Kommunisticheskaia akademiia” Publ., 136–155 (in Russian).

Bader, O. N. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 110–158 (in Russian).

Bader, O. N. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 234–238 (in Russian).

Bader, O. N., Voevodsky, M. V. 1935. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* (27), 298–346 (in Russian).

Bader, O. N., Bunak, V. V. 1968. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 15, 146–148 (in Russian).

Bobrin'skiy, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy: Istochniki i metody izucheniya (Pottery of Eastern Europe: sources and methods of study)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian)

Bogdanov, V. V. 1927. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Voprosy etnologii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Issues of the Central Industrial region ethnology)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region, 9–12 (in Russian).

Bogdanov, V. V. 1927. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Voprosy etnologii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Issues of the Central Industrial region ethnology)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region, 41–46 (in Russian).

Voevodskiy, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area)* III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 159–180 (in Russian).

Gorotsov, V. A. 1901, In countess Uvarova, Slutsky, S. S. (ed.). *Trudy XI arkheologicheskogo s"ezda v Kieve (Proceedings of the 11th Archaeological Congress in Kiev)* I. Moscow: “Tipografiya G. Lissnera i A. Gepelya” Publ., 567–672 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1946. In Grekov, B. D. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 104–122 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1925. In *Russkiy antropologicheskii zhurnal (Russian Anthropological Journal)* XIV (1–2), 37–75 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1927. In Zhukov, B. S., Bader, O. N. (eds.). *Materialy k doistorii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Materials for the prehistory of the Central Industrial region)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region, 13–18 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1928. In Volgin, V. P., Gordon, G. O., Luppola, I. K. (eds.). *Obshchestvennye nauki v SSSR 1917–1927 (Social sciences in the USSR 1917–1927)*. Moscow: “Rabotnik prosveshcheniya” Publ., 90–100 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1928. In *Izvestiya Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov pri fiziko-matematicheskoy fakul'tete MGU (Bulletin of the Association of research institutes at the faculty of physics and mathematics of Moscow State University)* 1 (1–2), 264–286 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929a. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Kul'tura i byt naseleniya Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Culture and everyday life of the Central Industrial region population)*. Moscow, 31–35 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929b. *Etnografiia (Ethnology)* 1, VII, 54–77 (in Russian).

Zelenin, D. K. 1929. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Kul'tura i byt naseleniya Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Culture and everyday life of the Central Industrial region population)*. Moscow, 23–27 (in Russian).

Krainov, D. A., Khotinsky, N. A. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 102–113 (in Russian).

Kuznetsov, A. A. 2013. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod)* 1 (5). 238–244 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Lopatina, O. A. (in print.). In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (in Russian).

Kuftin, B. A. 1927. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Voprosy etnologii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Issues of the Central Industrial region ethnology)*. Moscow: State Museum of the Central Industrial region, 33–36 (in Russian).

Kuftin, B. A. 1929. In *Etnografiia (Ethnography)* 2, 125–129 (in Russian).

Merpert, N. Ya. 1995. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Antologiya sovetskoy arkheologii (1917–1933) (Anthology of Soviet Archaeology (1917-1933))*. Moscow, 3–14 (in Russian).

Platonova, N. I. 2010. *Istoriia arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX – pervaaia tret' XX veka (History of Archaeological Thought in Russia. Second half of 19th – first third of 20th centuries)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).

Preobrazhensky, P. F. 1929. In Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P. (eds.). *Kul'tura i byt naseleniya Tsentral'no-promyshlennoy oblasti (Culture and everyday life of the Central Industrial region population)*. Moscow, 14–22 (in Russian).

Solovei, T. D. 2022. *Istoriya rossiyskoy etnologii v ocherkakh. XVIII – nachalo XXI v. (The history of Russian ethnology in essays. XVIII – early XXI century)*. Moscow: “Etnosfera” Publ. (in Russian).

Tikhonov, I. L. 2003. *Arkheologiya v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki (Archaeology at St. Petersburg University. Historiographical essays)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Formozov, A. A. 2004. *Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki (Russian Archaeologists in the Totalitarianism Period: Historiographic Essays)*. Moscow: “Znak” Publ. (in Russian).

About the Author:

Lopatina Olga A., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation;; lopatina.olga@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.